Тематические сборники «Переклички вестников»

Сборник № 101. «Слышать, как наливается колос»

Выпуск № 48

Алексей Толстой

Вырастает дума, словно дерево,
Вроет в сердце корни глубокие,
По поднебесью ветвями раскинется,
Задрожит, зашумит тучей листиев.
Сердце знает ту думу крепкую,
Что оно взрастило, взлелеяло,
Разум сможет ту думу окинути,
Сможет слово ту думу высказать.
А какая то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинути?
Промелькнёт она без образа,
Вспыхнет дальнею зарницею,
Озарит на миг душу тёмную,
Много вспомнится забытого,
Много смутного, непонятного
В миг тот ясно сердцу скажется;
А рванешься за ней, погонишься –
Только очи её и видели,
Только сердце её и чуяло!
Не поймать на лету ветра буйного,
Тень от облака летучего
Не прибить гвоздём ко сырой земле.

1858

Василий Жуковский

Моя богиня

Какую бессмертную
Венчать предпочтительно
Пред всеми богинями

Олимпа надзвёздного?
Не спорю с питомцами
Разборчивой мудрости,
Учёными, строгими;
Но свежей гирляндою
Венчаю весёлую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову,
Богиню Фантазию.
Ей дал он те вымыслы,
Те сны благотворные,
Которыми в области
Олимпа надзвёздного
С амврозией, с нектаром
Подчас утешается
Он в скуке бессмертия;
Лелея с усмешкою
На персях родительских,
Её величает он
Богинею-радостью.
То в утреннем веянье
С лилейною веткою,
Одетая ризою,
Сотканной из нежного
Денницы сияния,
По долу душистому,
По холмам муравчатым,
По облакам утренним
Малиновкой носится;
На ландыш, на лилию,
На цвет-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчёлкою;
Устами пчелиными
Впиваясь в листики,
Пьёт росу медвяную;
То, кудри с небрежностью
По ветру развеявши,
Во взоре уныние,
Тоской отуманена,
Глава наклонённая,
Сидит на крутой скале,
И смотрит в мечтании

На море пустынное,
И любит прислушивать,
Как волны плескаются,
О камни дробимые;
То внемлет, задумавшись,
Как ветер полуночный
Порой подымается,
Шумит над дубравою,
Качает вершинами
Дерев сеннолиственных;
То в сумраке вечера
(Когда златорогая
Луна из-за облака
Над рощею выглянет
И, слившись дрожащий луч
С вечерними тенями,
Оденет и лес и дол
Туманным сиянием)
Играет с наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравного
И, струек с журчанием
Мешая гармонию
Волшебного шёпота,
Наводит задумчивость,
Дремоту и лёгкий сон;
Иль, быстро с зефирами
По дремлющим лилиям,
Гвоздикам узорчатым,
Фиалкам и ландышам
Порхая, питается
Душистым дыханием
Цветов, ожемчуженных
Росинками светлыми;
Иль с сонмами гениев,
Воздушною цепию
Виясь, развиваяся,
В мерцании месяца,
Невидима-видима,
По облакам носится
И, к роще спустившися,
Играет листочками
Осины трепещущей.
Прославим создателя
Могущего, древнего,

Зевеса, пославшего
Нам радость – Фантазию;
В сей жизни, где радости
Прямые – луч молнии,
Он дал нам в ней счастие,
Всегда неизменное,
Супругу весёлую,
Красой вечно юную,
И с нею нас цепию
Сопряг нераздельною.
«Да будешь, – сказал он ей, –
И в счастье и в горести
Им верная спутница,
Утеха, прибежище».

Другие творения,
С очами незрящими,
В слепых наслаждениях,
С печалями смутными,
Гнетомые бременем
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
В кругу, ограниченном
Чертой настоящего,
Минутною жизнию;
Но мы, отличённые
Зевесовой благостью!..
Он дал нам сопутницу
Игривую, нежную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу резвую,
Любимую дщерь свою,
Богиню Фантазию!
Ласкайте прелестную;
Кажите внимание
Ко всем её прихотям
Невинным, младенческим!
Пускай почитается
Над вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтоб вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Рассудку, не вздумалось
Её переучивать,

Пугать укоризнами
И мучить уроками.
Я знаю сестру её,
Степенную, тихую…
Мой друг утешительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда из очей моих
Луч жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всех добрых дел,
Источник великого,
Нам твёрдость, и мужество,
И силу дающая,
Надежда отрадная!..

1809

Выпуск № 306

Лариса Миллер

И не осмыслить в словесах,
И не измерить здешней меркой –
В бездонность маленькою дверкой
Сияет просинь в небесах.
Сияет просинь в небесах,
Зияет пропуск буквы в слове.
Не надо с ручкой наготове
Стоять у буквы на часах.
Пространство, пропуск, забытьё…
Лишь тот земную жизнь осилит,
Кто будет поражен навылет
Непостижимостью её.
В пустом пространстве ветер дик…
Попробуй жить в стабильность веря:
Что ни мгновение – потеря.
Что ни мгновение – тайник.

1982

Николай Заболоцкий

На закате

Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошённый березняк.
На гладкой шёлковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.
Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.
Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершённого труда.
Два мира есть у человека:
Один, который он творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
Несоответствия огромны,
И, несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.
Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.
Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.

1958

Арсений Тарковский

Порой по улице бредёшь –
Нахлынет вдруг невесть откуда

И по спине пройдёт, как дрожь,
Бессмысленная жажда чуда.

Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами,

Не то чтоб захотеть – и ввысь
Кометой взвиться над Москвою,
Иль хоть по улице пройтись
На полвершка над мостовою.

Когда комета не взвилась,
И это назовёшь удачей.
Жаль: у пространств иная связь,
И времена живут иначе.

На белом свете чуда нет,
Есть только ожиданье чуда.
На том и держится поэт,
Что эта жажда ниоткуда.

Она ждала тебя сто лет,
Под фонарем изнемогая..
Ты ею дорожи, поэт.
Она – твоя Серпуховская,

Твой город, и твоя земля,
И невзлетевшая комета,
И даже парус корабля,
Сто лет как сгинувший со света.

Затем и на земле живём,
Работаем и узнаём
Друг друга по её приметам,
Что ей придется стать стихом,
Когда и ты рождён поэтом.

1946

Выпуск № 1372

Аполлон Майков

Мысль поэта

О мысль поэта! ты вольна,
Как песня вольной гальционы!
В тебе самой твои законы,
Сама собою ты стройна!
Кто скажет молнии: браздами
Не раздирай ночную мглу?
Кто скажет горному орлу:
Ты не ширяй под небесами,
На солнце гордо не смотри
И не плещи морей водами
Своими чёрными крылами
При блеске розовой зари?

1839

Зинаида Миркина

Душа моя, быть вечно молодою
Не так уж трудно – Путь к началу прост.
Ведь музыка – связь с дальнею звездою,
С одной, с другой – с бессчётным сонмом звёзд.
О, эти в тело въевшиеся нити –
Власть лилипутов, сущая везде.
Но всё равно – держите, не держите,
Я разорву вас и взлечу к звезде –
Вот к той, блеснувшей серебром, с которой
Зов долетел сюда во тьму, на дно.
Я вырвусь на бескрайние просторы.
Ведь сердце в звёздный танец включено.
Лови, земля! Ищите ветра в поле!
За облака взлетели два крыла:
Ведь музыка своей творящей волей
В единый миг все цепи порвала!

Лариса Патракова

Ирине Николаевой

Когда у меня не останется снов
И я изношу своё прошлое солнце,
Однажды под утро свобода вернётся,
А двери закрыты на прочный засов.

Когда у меня не останется грёз
И радостью стану делиться безмерно,
Всесильная жизнь враз потребует веры,
А я не поверю, что это всерьёз.

Когда у меня не останется Я
И все обретенья окажутся ложью,
Я сделаю то, что сейчас невозможно,
И Вечное Солнце взойдёт из меня.

Выпуск № 731

Зинаида Миркина

А может, море – это образ
Души, с которой снят покров.
Разъят, раздвинут и разобран,
И вот – душа без берегов.
Душа, лишенная защиты.
И нету ничего сильней
Души, которая открыта
До бесконечности своей.
Дыханье моря. Ветер встречный
И во всю ширь морской закат.
Распахнутая бесконечность…
Ты можешь с нею взгляд во взгляд?

Владимир Набоков

Из цикла «Капли красок»

Вдохновенье

Когда-то чудо видел я;
передаю созвучьям ныне
то чудо, но душа моя –
как птица белая на льдине,

и хоть горит мой стих живой,
мне чуждо самому волненье.
Я скован. Холод заревой
кругом. И это – вдохновенье…

Достоевский

Тоскуя в мире, как в аду,
уродлив, судорожно-светел,
в своем пророческом бреду
он век наш бедственный наметил.

Услыша вопль его ночной,
подумал Бог: ужель возможно,
что всё дарованное Мной
так страшно было бы и сложно?

1919

Выпуск № 1055

Вячеслав Иванов

Поэты духа

Снега, зарёй одеты
В пустынях высоты,
Мы – Вечности обеты
В лазури Красоты.

Мы – всплески рдяной пены
Над бледностью морей.
Покинь земные плены,
Воссядь среди царей!

Не мни: мы, в небе тая,
С землёй разлучены, –
Ведёт тропа святая
В заоблачные сны.

1904

Зинаида Миркина

Когда бездонно глубока,
Когда – ни стен, ни потолка
У радости, тогда она
Уже не может быть шумна.

Душа, восполненная вдруг,
Как бы исчерпывает звук,
И вечной жизни торжество
Не оглушает никого,
А, словно цельный небосвод,
В свои объятья всех берёт.

1983

Лев Болеславский

Все реки – в море, море – в океан.
А ты, душа, впадаешь в Иордан,
Который, верно, в небеса впадает.
Там, может быть, блеснут две-три струи –
То, Господи, мелодии мои:
Смеются, и ликуют, и рыдают…

Выпуск № 965

Бахыт Кенжеев

Огонь свистящий и шипящий.
Воды кипящей ореол.
Землёй могильной рот звучащий
набит до самых альвеол.

И вместо рифмы – парной, пряной
одни сомнительные сны –
мост тоньше волоса над ямой
непостижимой глубины…

Очнись, не мудрствуя лукаво.
Огонь – огнём, и дымом – дым,
одним – прижизненная слава,
и ясновиденье – другим.

Тень сна с сияньем яви сложим –
увидим снег, и облака
с небесным ангелом, похожим
на паука-крестовика.

Он из земли, из крови влажной
соткал спасительную сеть –
скажи мне, как ему не страшно
в бездонном воздухе висеть?

Осип Мандельштам

Под грозовыми облаками
Несётся клёкот вещих птиц:
Довольно огненных страниц
Уж перевёрнуто веками!

В священном страхе зверь живёт –
И каждый совершил душою,
Как ласточка перед грозою,
Неописуемый полёт.

Когда же солнце вас расплавит,
Серебряные облака,

И будет вышина легка,
И крылья тишина расправит?

1910

Выпуск № 772

Вячеслав Иванов

Альпийский рог

Средь гор глухих я встретил пастуха,
Трубившего в альпийский длинный рог.
Приятно песнь его лилась; но, зычный,
Был лишь орудьем рог, дабы в горах
Пленительное эхо пробуждать.
И всякий раз, когда пережидал
Его пастух, извлекши мало звуков,
Оно носилось меж теснин таким
Неизреченно-сладостным созвучьем,
Что мнилося: незримый духов хор,
На неземных орудьях, переводит
Наречием небес язык земли.

И думал я: «О гений! Как сей рог,
Петь песнь земли ты должен, чтоб в сердцах
Будить иную песнь. Блажен, кто слышит».
И из-за гор звучал отзывный глас:
«Природа – символ, как сей рог. Она
Звучит для отзвука; и отзвук – бог.
Блажен, кто слышит песнь и слышит отзвук».

1902

Лариса Патракова

И дается особая власть:
Просто музыку утра услышать…
Наминаясь, заря занялась,
Тихий ветер хлеба не колышет…

Золотое зерно, затаясь,
Сохраняет бессмертия голос…
Беспощадна особая власть:
Слышать, как наливается колос.

И присутствием Духа спасён,
Мир лежит на Господней ладони,
И крылат ослепительный сон:
Через бездну летящие кони.

Анна Ахматова

Многое ещё, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим:
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,
Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счёты
С пламенем, и ветром, и водой…
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942

Выпуск № 634

Лариса Миллер

Станет темою сонатной
Этот полдень благодатный,
Встреч и проводов нюансы
Превратятся в стансы, стансы,
И картиною пастозной
Станет этот плач бесслёзный.
Но родился ты в сорочке,
Коль твои штрихи и строчки,
Краски, паузы и звуки
Станут вновь тоской и мукой,

Небом, талою водою,
Светом, счастьем и бедою.

1976

Марина Цветаева

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь не могущие. Им –
Слёзы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным!

Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж – призвание как плеть –
Меж стенания надгробного
Долг повелевает – петь.

Пел же над другом своим Давид,
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошёл в Аид
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, – Эвридика бы по нему
Как по канату вышла…

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное – взято.

1934

Владимир Соловьёв

А. А. Фету
(Посвящение книги о русских поэтах)

Все нити порваны, все отклики – молчанье.
Но скрытой радости в душе остался ключ,

И не погаснет в ней до вечного свиданья
Один таинственный и неизменный луч.

И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещих снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов.

Отшедший друг! Твоё благословенье
На этот путь заранее со мной.
Неуловимого я слышу приближенье,
И в сердце бьёт невидимый прибой.

1897

Выпуск № 518

Иннокентий Анненский

Миражи

То полудня пламень синий,
То рассвета пламень алый,
Я ль устал от чётких линий
Солнце ль самое устало…

Но чрез полог темнолистый
Я дождусь другого солнца
Цвета мальвы золотистой
Или розы и червонца.

Будет взорам так приятно
Утопать в сетях зелёных,
А потом на тёмных клёнах
Зажигать цветные пятна.

Пусть миражного круженья
Через миг погаснут светы…
Пусть я – радость отраженья,
Но не то ль и вы, поэты?

Константин Бальмонт

Преддверья

Зачем мы торопимся к яркости чувства,
В которой всех красок роскошный закат?
Помедлим немного в преддверьях Искусства,
И мягким рассветом насытим наш взгляд.

Есть много прозрачных воздушных мечтаний
В начальных исканьях наивной души,
Есть много плавучих, как сон, очертаний
В предутренних тучках, в безвестной глуши.

Есть свежесть и тайна в младенческих взорах,
Там новые звёзды в рожденьи своём,
Слагаются там откровенья, в которых
Мы, прежние, утренней жизнью живём.

И много стыдливости, розовой, зыбкой,
В девическом лике, не знавшем страстей,
С его полустёртой смущённой улыбкой,
Без знания жизни, судьбы и людей.

О, много есть чар в нерасцветших растеньях,
Что нам расцветут, через час, через миг.
Помедлим лелейно в своих наслажденьях, –
В истоках прозрачных так нежен родник.

Выпуск № 1079

Василий Жуковский

К мимопролетевшему знакомому гению

Скажи, кто ты, пленитель безымянной?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечёшь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял

И в старину про гостью неземную –
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,
Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Её теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утехою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Бог свидетель был ея?

Какую ж весть принёс ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастии шепнёшь и замолчишь?

О Гений мой, побудь ещё со мною;
Бывалый друг, отлётом не спеши:
Останься, будь мне жизнию земною;
Будь ангелом-хранителем души.

1819

Бахыт Кенжеев

Если творчество – только отрада,
и вино, и черствеющий хлеб
за оградою райского сада,

где на агнца кидается лев,
если верно, что трепет влюблённый
выше смерти, дороже отца –
научись этот лён воспалённый
рвать, прясти, доплетать до конца...

Если музыка – долгая клятва,
а слова – золотая плотва,
и молитвою тысячекратной
монастырская дышит братва,
то доныне по северным сёлам
бродит зоркий рыбак-назорей,
запрещающий клясться престолом
и подножьем, и жизнью своей.

Над Атлантикой, над облаками,
по окраине редких небес
пролетай, словно брошенный камень,
забывая про собственный вес,
ни добыче не верь, ни улову,
ни единому слову не верь –
не Ионе, скорее Иову
отворить эту крепкую дверь.

Но когда ты проснёшься, когда ты
выйдешь в сад, где кривая лоза,
предзакатным изъяном объята,
закипает, как злая слеза,
привыкай к темноте и не сразу
обрывай виноградную гроздь –
так глазница завидует глазу,
и по мышце печалится кость.

Выпуск № 236

Константин Бальмонт

В башне

В башне с окнами цветными
Я замкнулся навсегда,
Дни бегут, и в светлом дыме
Возникают города,

Замки, башни, и над ними
Лёгких тучек череда.

В башне, где мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цветные
Без конца внушают сны,
Эти стёкла расписные
Мне самой Судьбой даны.

В них я вижу, как две тени
Обнимаются, любя,
Как, упавши на колени,
Кто-то молится, скорбя,
В них я вижу в быстрой смене
Землю, небо и себя.

Там, за окнами, далёко,
С непочатой вышины,
Смотрит огненное око
Неба, Солнца, и Луны,
Но окно моё высоко,
То, что мне внушает сны.

То, меж окнами цветными,
На которое смотрю,
В час когда, как в светлом дыме,
Я приветствую зарю,
И с виденьями родными
Лёгкой грёзой говорю.

На другие обращаю
В час заката жадный взор,
В час, когда уходит к раю
Тихий вечер на дозор,
И лепечет: "Обещаю,
Вновь увидишь мой убор".

На другие я с отрадой
Устремляю ночью взгляд,
В час, когда живёт прохладой,
Полный вздохов, сонный сад,
И за призрачной оградой
Светляки меж трав горят.

Так живу, как в светлом дыме
Огнецветные цветы,
Над ошибками земными
Посмеваясь с высоты,
В башне с окнами цветными
Переливчатой мечты.

Максимилиан Волошин

В мастерской

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там в окне, в зелёной мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Смутный час… Все линии нерезки.
Все предметы стали далеки.
Бледный луч от алой занавески
Отеняет линию щеки.
Мир теней погасших и поблёклых,
Хризантемы в голубой пыли;
Стебли трав, как кружево, на стёклах…
Мы – глаза таинственной земли…
Вглубь растут непрожитые годы
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.

Девочка милая, долгой разлукою
Время не сможет наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю:
Близко касаются головы наши,
Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звёздные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым отраженьем
Нашего вечного, слитного Я.

Ночь придёт. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.

Я тебя согрею и укрою,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre-Dame.
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними тайну тайн Египта –
Бледный лик царевны Таиах…

1905

Выпуск № 1093

Марина Цветаева

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера – дело рук,
Ремесленник – и знаю ремесло.

От высокоторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание моё – до: не дыши!

1922

Варлам Шаламов

Я, как Ной, над морскою волною
Голубей кидаю вперёд,
И пустынною белой страною
Начинается их полёт.

Но опутаны сетью снега
Ослабевшие крылья птиц,
Леденеют борта ковчега
У последних моих границ.

Нет путей кораблю обратно,
Он закован навек во льду, –
Сквозь метель к моему Арарату,
Задыхаясь, по льду иду.

Лариса Патракова

Я доиграюсь с птицами когда-то:
Однажды, среди поля, ясным днём
Взлетела стая облаком крылатым
И опалила песней, как огнём.

И хороводом бешеным, опасным
Кружила, не давая мне уйти:
«Решайся, ты всегда была согласна,
Всегда просила нашего пути…»

Петлёю мёртвой душу заарканив,
Удерживаю руки, как крыла,
А стая надрывается: «Обманет –
Страшится неба, но зачем звала?

Зачем нам подражала в жарких песнях
И крылья примеряла среди снов,
Зачем смотрела жадно в поднебесье
И постигала наше ремесло?

Ты в профиль на одну из нас похожа,
И птичье имя подарила мать,
Твой стих на наши голоса положен –
Украли мы заветную тетрадь…»

Кричали дерзко, душу надрывая,
И в крыльях бешеных звенела медь…
А я, не оступившись, шла по краю
Земли и неба, дальше – не посметь.

Выпуск № 1379

Владимир Набоков

Ещё безмолвствую и крепну я в тиши.
Созданий будущих заоблачные грани

ещё скрываются во мгле моей души,
как выси горные в предутреннем тумане.

Приветствую тебя, мой неизбежный день.
Всё шире, шире даль, светлей, разнообразней,
и на звенящую на первую ступень
всхожу, исполненный блаженства и боязни.

1919

Афанасий Фет

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец –
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

1887

Александр Пушкин

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
"Востань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей."

1826